

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 16-го Ноября 1908 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ № 9540.

ИСТОРИЯ БОЛЬШОЙ ШЛЯПЫ И МАЛЕНЬКОЙ ЖЕНЩИНЫ.

(Съ французского).

Гастонъ де-Буафлери съ супругою по своему обыкновению прибыли въ Парижъ, чтобы провести здѣсь вакаціи. По правдѣ сказать, всѣ мѣсяцы въ году были для нихъ мѣсяцами вакацій...

Но имъ было такъ скучно въ ихъ замкѣ, заброшенномъ гдѣ-то въ Туренѣ, что эта жизнь въ теченіе шести недѣль въ столицѣ имѣла для нихъ всю привлекательность отпуска.

Во время увеселительныхъ прогулокъ, ужиновъ и покупокъ, они, не считая, растрачивали все то, что имъ удавалось сэкономить за годъ.

Въ одно прекрасное утро они вышли изъ своего отеля съ намѣреніемъ отправиться въ Лувръ.

На улицѣ Мира Жанна вдругъ останавливается передъ витриной большой мастерской шляпъ.

Остановка была столь внезапной, что ея супругъ, шедшій, согласно правиламъ вѣжливости, на разстояніи въ четверть метра позади нея, очутился вдругъ запутаннымъ въ шлейфѣ своей жены.

— Какая прелестная шляпа! Посмотри-ка, вонъ, вторая слѣва.

— Да, хорошая шляпа, отвѣтилъ Гастонъ, понимавшій въ шляпахъ очень мало, но привыкшій никогда не противорѣчить женѣ въ вопросахъ туалета.

— Не купить ли мнѣ ее?

— Конечно, это идея.

Однако, идея вызывала въ Гастонѣ, повидимому, мало энтузіазма, ибо, вмѣсто того, чтобы войти въ магазинъ, онъ нерѣшительно покачивался на каблукахъ и гладилъ ручку своей трости.

Но Жанна, ухватившаяся за „идею“, торопила его:

— Ну, зайдемъ же.

— Видишь ли...

— Что такое?

— Видишь ли... сейчасъ какъ разъ подходящее время, чтобы зайди пе-редъ завтракомъ въ Лувръ.

— Неужели тебѣ хочется посѣтить Лувръ непремѣнно сегодня утромъ?

Строго говоря, нѣтъ. Гастону вовсе не такъ ужъ хотѣлось въ Лувръ. Живопись никогда не была его страстью. Пришлось согласиться и отложить посѣщеніе музея на завтра.

— Какъ это мило съ твоей стороны!.. Войдемъ.

— Видишь ли...

— Что такое?

— Не находишь ли ты эту шляпу немножко большой?

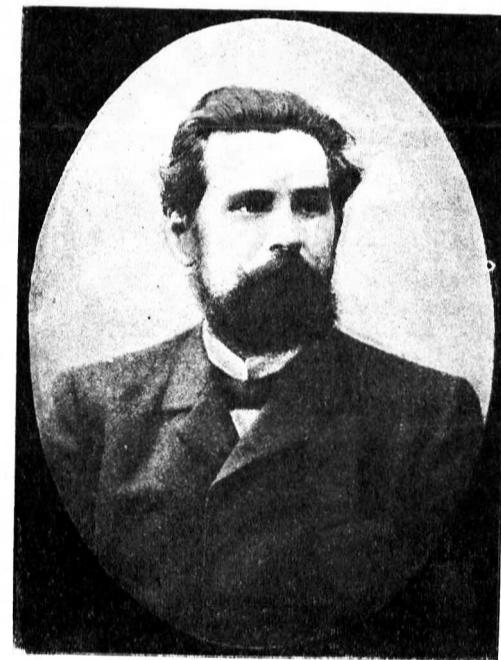
— Большой? Ты шутишь... Это са-мая обыкновенная шляпа, какія тѣ-перь носятъ.

— Обыкновенная? Ну, нѣтъ. Она имѣеть по крайней мѣрѣ метръ въ діаметрѣ.

— Метры! Да ты смѣешься... Въ крайнемъ случаѣ 50 смт. Ты всегда любишь преувеличивать.

Г. Ф. Квитка-Основьяненко.
По случаю 130-лѣтія со дня его рожденія—18
ноября.

Д. И. Кураевъ.
Профессоръ харьковскаго университета.
Скончался 8го ноября с.г.

— Увѣряю тебя, что, если есть преувеличеніе, то съ твоей стороны.

— Не понимаю. Говорить о преуве-
личеніи съ моей стороны, когда оно
съ твоей.

— Хорошо. Пусть будетъ преувели-
ченіе со стороны шляпы. Оставимъ
и не будемъ больше говоритьъ объ
этомъ.

— Наоборотъ, я хочу обѣ этомъ
говорить... Я увѣрена, что мнѣ она
будетъ очень къ лицу.

— Видишь ли...

— Что?

— Твой небольшой ростъ...

— Тѣмъ лучше. Большая шляпа
всегда очень идутъ маленьkimъ жен-
щинамъ

— Но она, вѣдь, не войдетъ въ
твой сундукъ.

— Мы ее повеземъ въ картонкѣ.
Послушай, Гастонъ, ты, вѣдь, не за-
хочешь огорчить твою маленькую же-
ну. Вѣдь, въ Туренѣ намъ никогда
не достать такой шляпы. Всѣ мои по-
други тамъ задохнутся отъ зависти,
когда увидятъ.

Не будучи въ состояніи отвѣтить
на послѣдній аргументъ, Гастонъ по-
нялъ, что лучше уступить. Онъ от-
крылъ дверь, но не съ энтузіазмомъ
влюбленнаго, проникающаго къ своей
возлюбленной, а скорѣе съ безропот-
ностью узника, входящаго въ свою
темницу.

Къ нимъ тотчасъ подбѣжала какая-
то ловкая дѣвица и подала желаемую
шляпу.

— Сколько? — спросилъ Гастонъ,
имѣвшій досадную привычку инте-
ресоваться цѣной покупаемыхъ пред-
метовъ.

— 120 франковъ.

— Это недорого, прошептала Жан-
на мужу.

— Дѣйствительно. Значитъ, беремъ.

— Подожди. Навѣрное, вѣдь, есть
еще шляпы для выбора.

Гастонъ понялъ, что сказалъ глуп-
ость.

Видано ли было, чтобы женщина
купила какой-нибудь предметъ, хотя бы
страстно желаемый, не заставивъ
себѣ предварительно показать по край-
ней мѣрѣ двадцать другихъ?..

Впрочемъ это было къ лучшему.
Увидя другія модели, Жанна, казалось,
забыла свой первый выборъ. Шляпы
самыхъ разнообразныхъ формъ про-
ходили одна за другой. Одно мгновеніе
Гастонъ де-Буафлери могъ на-
дѣяться, что его жена откажется отъ
своего эксцентричнаго вкуса.

Но вотъ продавщица раскрыла по-
слѣднюю шляпу.

— Если madame нравятся большія
шляпы, здѣсь madame найдетъ кое-
что подходящее.

— Подходящее, да, для переѣзда че-
резъ Сахару.

Новая шляпа представляла собою
огромный грибъ, въ тѣни котораго
могло бы укрыться небольшое марок-
канское племя.

— Ахъ, какая прелесть! Не правда-
ли, Гастонъ, она красивѣе осталь-
ныхъ?

— Да, то-есть...

— Что?

— Она, какъ-будто, немного велика.

— Ну, нѣтъ, мой дорогой, это са-
мый модный фасонъ. Не правда-ли,
она тебѣ очень нравится? Признайся,
что она мнѣ очень идетъ... Словомъ,
рѣшено. Разъ она нравится моему
мужу, мы ее беремъ. Пожалуйста, при-
шлите мнѣ ее сегодня-же.

Вечеромъ гг. де-Буафлери отправи-
лись въ театръ.

Жанна рѣшила, что лучшаго случая
для того, чтобы обновить шляпу, и
нельзя себѣ представить.

Въ то время еще не существовало правильнъ запрещавшихъ сидѣть на определенныхъ мѣстахъ дамамъ въ шляпахъ... Впрочемъ, ея мужъ поставилъ ей на видъ, что, такъ какъ ихъ мѣста въ партерѣ, то ея шляпа помѣщаетъ видѣть сцену по крайней мѣрѣ дюжинѣ зрителей. Жанна отвѣчала, что она небольшого роста, и къ тому же мѣста въ партерѣ идутъ наклонно, такъ что ея шляпа будетъ еще менѣе стѣснительна, чѣмъ лысины большинства мужчинъ. Гастонъ уступилъ, понимая невозможность разубѣдить жену.

Понятно, что случилось именно такъ, какъ онъ предвидѣлъ. Едва они заняли свои мѣста, какъ сидѣвшіе позади нихъ зрители начали ворчать. Чтобы успоконить недовольныхъ, Гастонъ ста-

А. Л. Шанявский,
котораго носитъ народный университеѣ въ Москвѣ.

Аудиторія народнаго университета А. Л. Шанявскаго.

рался уменьшить хоть свою фигуру. Онъ ежился, нагибался, горбился, старался исчезнуть насколько возможно въ своемъ креслѣ,—но все было напрасно. Просвѣтъ, который такимъ образомъ образовывалася, не приносилъ никакой пользы сидѣвшимъ позади его жены.

— Сиди, пожалуйста, спокойно, говорила Жанна;—ты мнѣ мѣшаешь слѣдить за артистами.

Гастонъ успокоился, но зрители все не успокаивались. Ропотъ становился все больше, наконецъ, перешелъ въ громкіе прости, несмотря на поднявшеся со всѣхъ сторонъ шканье.

— У кого шляпа такихъ размѣровъ, тотъ не долженъ садиться въ партерѣ!

— Это не шляпа, а зонтикъ!

— Это африканскій шатель, какъ-то!

— Это ваза для дынь, только не прозрачная,

— Это уже было черезчуръ.

— Гастонъ де-Бауфлеръ, котораго эти милыя замѣчанія давно уже раздражали, обернулся и далъ невѣжѣ пощечину. Произошла краткая борьба, конецъ которой положилъ капельдинеръ, предложивъ обоимъ удалиться.

Выдѣ изъ театра, они обмѣнялись карточками.

Жанна, обезсиленная происшедшими, и понимая, что, если она войдетъ снова въ театръ, она станетъ мишенью на смѣшокъ, предпочла воротиться въ отель.

— У кого шляпа такихъ размѣровъ, тотъ не долженъ садиться въ партерѣ!

— Это не шляпа, а зонтикъ!

На слѣдующій день Гастонъ дрался

на шпагахъ съ господиномъ, осмѣлившимся сравнивать шляпу его жены съ вазою для дынь. Несмотря на свое умѣніе обращаться съ оружіемъ, онъ получилъ хорошую рану въ животъ, заставившую его слѣть на мѣсяцъ.

Жанна, пока мужъ былъ въ опасности, избѣгала вынимать свою шляпу изъ карточки, куда она ее спрятала по возвращеніи изъ театра. Но когда выздоровленіе стало очевиднымъ, и они перѣехали обратно въ свой замокъ въ Туренѣ, она стала тщеславно выставлять ее напоказъ, къ великой зависти ея подругъ. Такой монументальной шляпы у нея впослѣдствіи ужъ больше не было. Поэтому, когда она говорила о какомъ-нибудь событии изъ своей жизни, она не пропускала случая сказать:

И все черезъ эту глупую жесть!

— Она очаровательна, говорилъ однажды Максъ, когда они случайно встрѣтились.

— Когда ты женился на ней, она, разумѣется, будетъ для тебя очаровательной. Для меня же она чудовище, она... она...

— Ну, ну, что еще? спрашивалъ, хохоча, Максъ. Прекрасно! Вотъ я ей разскажу, какъ ты отзываешься о ней.

— Пожалуйста! не забудь сказать также, что я ее знать не хочу и не желаю отъ вѣса принимать никакихъ приглашеній.

Такъ приблизительно оканчивался всегда разговоръ Макса съ его юнымъ другомъ Эрихомъ Винтеромъ.

Сегодня этотъ послѣдній шель на балѣ-маскарадѣ.

Онъ не будетъ принимать въ немъ, какъ всегда, живѣйшаго участія, такъ какъ безъ друга это совсѣмъ не интересно.

Медленно, съ выраженіемъ апатіи на лицѣ, поднялся онъ по лѣстницѣ и посмотрѣлъ въ бинокль на полныи народъ залъ.

Пестрая, нарядная, веселая толпа вызывала въ немъ прежнія воспоминанія. Иногда мимо него проходили вырвавшіяся изъ вихря бала пары.

Онъ оставилъ ложу и вошелъ въ залу.

Стройная, элегантная дама прошла мимо него. Но вдругъ остановилась. Пристально посмотрѣла на него чрезъ свою маску и схватила его за руку.

— Какъ поживаете, мой дорогой Эрихъ? спросила она мелодичнымъ, но совершенно ему незнакомымъ голосомъ.

— Какъ, ты знаешь мое имя? удивился онъ.

— О, я еще кое-что знаю!.. сказала прелестная незнакомка. Я знаю всѣ ваши похожденія и проказы; знаю, какія вы сигары курите и гдѣ всегда пьете кофе...

— Не можетъ быть! Вѣдь, я тебя совсѣмъ не знаю, прелестное дитя! Нельзя ли устроить такъ, чтобы устранило это недоразумѣніе?

— Рѣшиительно и безповоротно?

— Если ты скажешь, гдѣ тебѣ можно будетъ видѣть безъ маски, то мнѣ хотѣлось бы узнать...

— Хорошо. Назначаю вамъ свиданіе... послѣ завтра, въ кафе „Большой городъ“. Спросите „блѣлое домино“.

Убѣдительно долго тянулись для Эриха слѣдующіе два дня.

Съ сильно бьющимся сердцемъ поднялся онъ по лѣстницѣ въ назначенное время во второй этажѣ и спросилъ о „блѣломъ домино“.

— До сихъ порь никого не было, кто-бы назвалъ это имя,—сказалъ кельнеръ. Если желаете подождать—прошу. И онъ открылъ дверь кабинета. Эрихъ вошелъ и, заказавъ изысканный ужинъ, усѣлся ждать. Было одиннадцать часовъ. Приближалася полночь. Никто не приходилъ. Эрихъ досадовалъ.

— Сама же меня пригласила, недовольно сказалъ онъ и направился къ

Н. И. Глубова.
Оперная артистка.

посмотрѣла на занавѣсъ, висѣвшій на стѣнѣ справа.

Эрихъ смущился.

— Что съ вами?—спросила его красавица.

— Не скрываются ли что за этой занавѣской?

Она обворожительно улыбнулась.

— Скажите, любите ли вы посѣщать замужнихъ женщинъ?

Затѣмъ тихо, съ серьезнымъ видомъ, прибавила, отвѣчая на вопросъ молодого человѣка:

— Послѣ, когда вы будете уѣзжать, узнаете...

Сердце забилось у Эриха.

Не сонъ-ли это?

Ему теперь стало понятно, что она что-то затѣваетъ.

Онъ оставилъ ей руки.

— Слушай, мое прекрасное дитя, прошепталъ онъ ей на ухо,—если ты меня любишь, то позволь посмотретьъ, что находится тамъ, за этой занавѣской.

Но она не соглашалась.

— Я... одну секунду,—просилъ онъ.

— Хорошо; когда вы такъ хотите,—извольте.

И съ обворожительной улыбкой подошла она къ занавѣсѣ и отодвинула ее.

Эрихъ смущился. На стулѣ сидѣлъ его женатый другъ, который тотчасъ же вскочилъ и сталъ весело и шумно сидѣть.

Затѣмъ взялъ за руку молоденькую даму и сказалъ:

— Дорогой Эрихъ, позволь мнѣ представить тебѣ мою жену. Такъ какъ ты не приходилъ къ намъ, мы принуждены были тебя замани.

Эрихъ стоялъ и не находилъ что отвѣтить.

Тогда другъ синснулъ ему руку и сказалъ, какъ всегда:

— Не правда-ли, она очаровательна?

СМѢСЬ.

Анекдотическое о Гейне.

Гоненіе, воздвигнутое германскимъ императоромъ на памятники поэту Гейне, вызвало въ европейской печати единственное вниманіе къ памяти остромѣшья изъ немецкихъ писателей.

Приводимъ наиболѣе интересные изъ недавно оглашенныхъ эпизодовъ его жизни.

Генрихъ Гейне увлекся въ Парижъ красиво продавщицею перчаточного магазина Матильдой. Хотя она была совершенно необразована, поэтъ счелъ необходимымъ на ней жениться. Постѣгъ совершилъ вѣнчаніе въ числѣ обрядовъ.

Пройдя послѣдній, Эрихъ очутился въ ярко освещенной и со вкусомъ меблированной залѣ.

Предѣмъ стояла молодая, прекрасная дама. Казалось, лицо ея было знакомо; глаза, въ которыхъ тамъ, на балу, онъ видѣлъ остроуміе и шаловливость, блестѣли тѣмъ же задорнымъ огонькомъ и теперъ.

Эрихъ былъ очарованъ.

Онъ взялъ ручки молоденькой женщины и сталъ цѣловать ихъ. Онъ уже хотѣлъ опуститься передъ ней на колѣни, какъ она съ дѣланной тревогой

взглянула на занавѣсъ, висѣвшій на стѣнѣ справа.

Эрихъ смущился.

— Что съ вами?—спросила его красавица.

— Не скрываются ли что за этой занавѣской?

Она обворожительно улыбнулась.

— Скажите, любите ли вы посѣщать замужнихъ женщинъ?

Затѣмъ тихо, съ серьезнымъ видомъ, прибавила, отвѣчая на вопросъ молодого человѣка:

— Послѣ, когда вы будете уѣзжать, узнаете...

Сердце забилось у Эриха.

Не сонъ-ли это?

Ему теперь стало понятно, что она что-то затѣваетъ.

Онъ оставилъ ей руки.

— Слушай, мое прекрасное дитя, прошепталъ онъ ей на ухо,—если ты меня любишь, то позволь посмотретьъ, что находится тамъ, за этой занавѣской.

Затѣмъ тихо, съ серьезнымъ видомъ, прибавила, отвѣчая на вопросъ молодого человѣка:

— Послѣ, когда вы будете уѣзжать, узнаете...

Сердце забилось у Эриха.

Не сонъ-ли это?

Ему теперь стало понятно, что она что-то затѣваетъ.

Онъ оставилъ ей руки.

— Слушай, мое прекрасное дитя, прошепталъ онъ ей на ухо,—если ты меня любишь, то позволь посмотретьъ, что находится тамъ, за этой занавѣской.

Затѣмъ тихо, съ серьезнымъ видомъ, прибавила, отвѣчая на вопросъ молодого человѣка:

— Послѣ, когда вы будете уѣзжать, узнаете...

Сердце забилось у Эриха.

Не сонъ-ли это?

Ему теперь стало понятно, что она что-то затѣваетъ.

Онъ оставилъ ей руки.

— Слушай, мое прекрасное дитя, прошепталъ онъ ей на ухо,—если ты меня любишь, то позволь посмотретьъ, что находится тамъ, за этой занавѣской.

Затѣмъ тихо, съ серьезнымъ видомъ, прибавила, отвѣчая на вопросъ молодого человѣка:

— Послѣ, когда вы будете уѣзжать, узнаете...

Сердце забилось у Эриха.

Не сонъ-ли это?

Ему теперь стало понятно, что она что-то затѣваетъ.

Онъ оставилъ ей руки.

— Слушай, мое прекрасное дитя, прошепталъ онъ ей на ухо,—если ты меня люб

го изводила нервного поэта. Гейне не выдержалъ, наконецъ, этой пытки—и отравилъ болтливую птицу. Матильда оплакивала своего любимца, проливая горькія слезы, и все повторяла:

— Теперь я совершенно одинока на свѣтѣ!

— Что ты говоришь,—усовѣщевалъ ее Гейне,—развѣ я ничто для тебя? — Ничто, ничто, ничто!—истерическая выкрикивала въ отвѣтъ неутѣшная Матильда.

Впрочемъ, и самъ Гейне не уступалъ своей женѣ въ прихотливости и любви къ противорѣчіямъ. Бывая постоянно въ кафѣ „Монмартрскихъ Воротъ“, гдѣ собирались тогда постоянно Теофиль Готье, Эжен Сю, Жераръ-де-Нерваль, Мери и другіе извѣстные французскіе писатели, Гейне поражалъ друзей своими неожиданными парадоксами. Однажды Бальзакъ и Сю завели споръ о коммунизмѣ. Сю защищалъ эту теорію, а Бальзакъ обличалъ ея несостоятельность. Гейне, долго выслушавшій молча обѣ стороны, когда его спросили, что онъ думаетъ по этому поводу, отвѣтилъ:

— Въ природѣ все разнообразно и полно контрастовъ. Контрастируютъ мужчина и женщина, но отъ сближенія ихъ является новое человѣчество. Что бы наладилось какое-либо предпріятіе, надо сойтись дураку и хитрецу. Изъ диссонансовъ образуется гармонія. Въ отдѣльности, меня не удовлетворяютъ ни республика, ни монархія. Я хочу ту, и другую, а не порознь одну изъ нихъ. Я полагаю, что прочный государственный строй можетъ быть или въ монархіи, управляемой республиканцами, или въ республикѣ, управляемой монархистами!

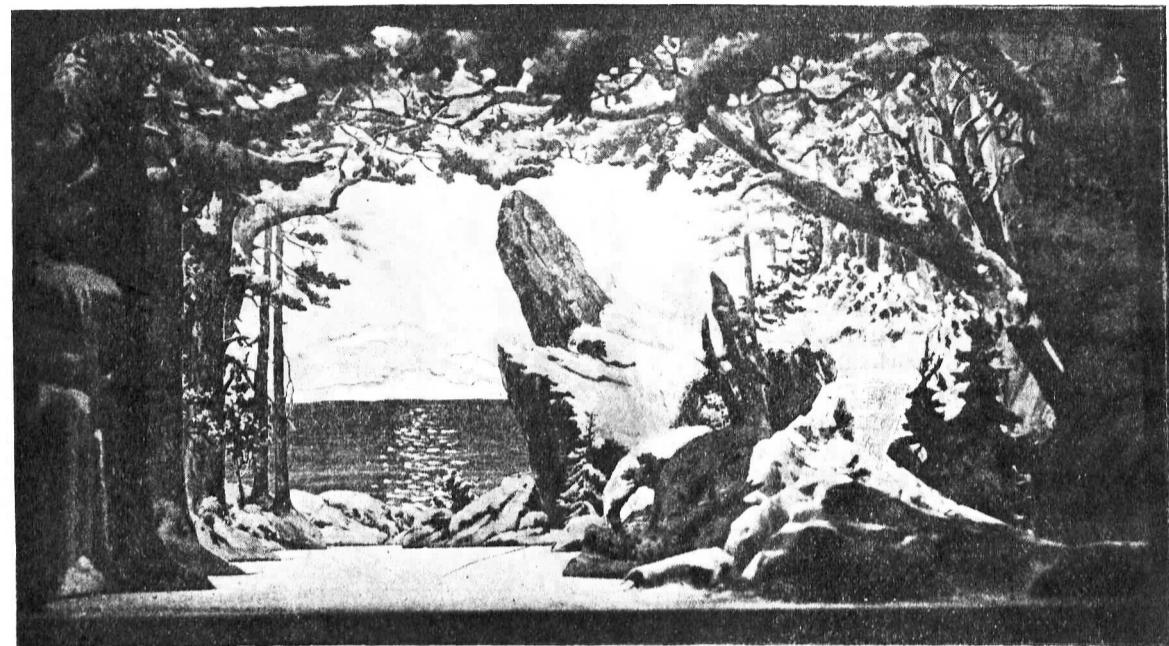
Собесѣдники Гейне долго смеялись надъ его предложеніемъ,—хотя смыслъ парадокса ясенъ: поэтъ находилъ необходимымъ, чтобы правительство не ударялось ни въ какую крайность.

Утѣшеніе для полныхъ дамъ.

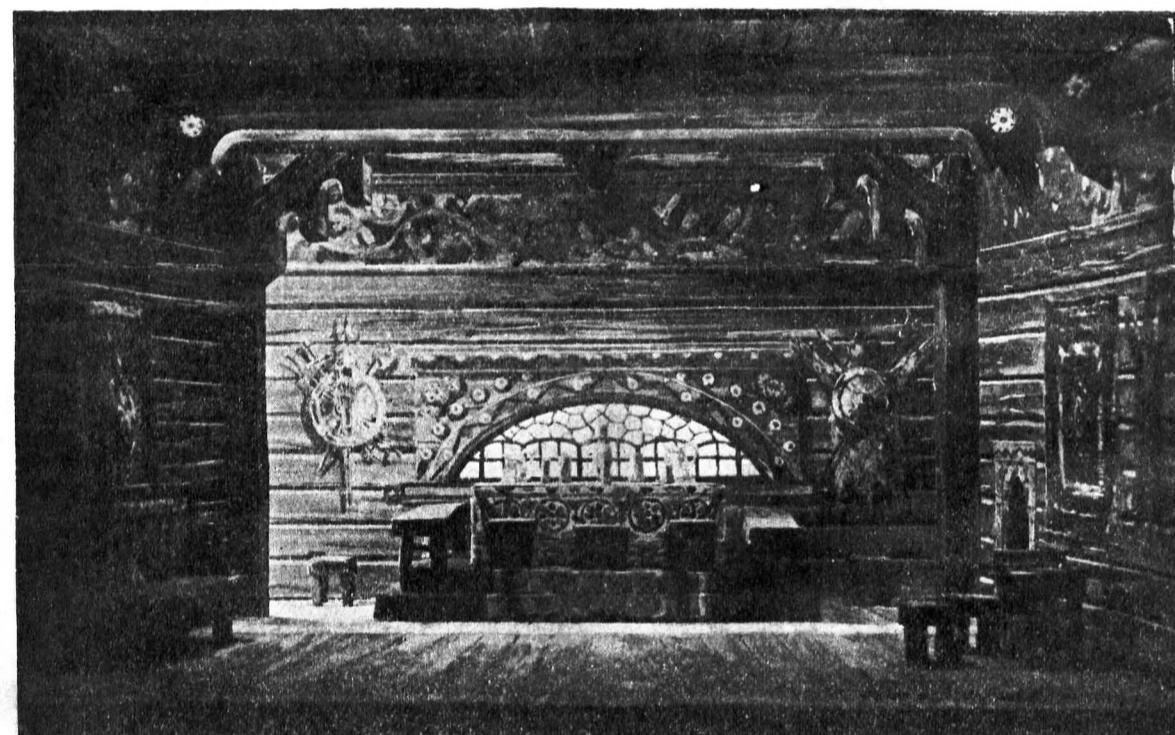
Женщины, склонныя къ полнотѣ, ежедневно съ волненіемъ слѣдятъ за собою,—не пострадала ли ихъ красота отъ ожирѣнія?

Ихъ, вѣроятно, не мало утѣшить историческая справка, убѣждающая, что во всѣ вѣка многимъ прославленнымъ красавицамъ нисколько не вредила полнота. Знаменитая египетская царица Клеопатра, обворожившая Антонія, была мала ростомъ и жирна, какъ откормленная на убой гусыня. Лаура изъ Авиньона, вдохновившая Петрарку и внушившая ему сотни очаровательныхъ сонетовъ, была бѣлолица, бѣлокура и очень полна собою. Такою же грузностью отличалась возлюбленная остроумнаго Боккачіо—Фіамета. Королева англійская Елизавета страдала ожирѣніемъ; у нея были густые, рыжеватые волосы. Такъ же полна была королева Маргарита Наваррская. Рубенсъ писалъ почти исключительно съ очень корпulentныхъ натурщицъ; единственное исключение составляла его собственная жена, которая, впрочемъ, далеко не отличалась худощавостью. Женщины Тиціана также привлекательны закругленностью своихъ формъ. Тулія Ар-

КЪ ПОСТАНОВКѢ „СѢВЕРНЫХЪ БОГАТЫРЕЙ“ ИБСЕНА ВЪ ДРАМАТИЧЕСКОМЪ ТЕАТРѢ.

Декораціи 1-го и 4-го актовъ.

Декораціи 2-го и 3-го актовъ.

рагонская, одна изъ знаменитѣйшихъ красавицъ своей эпохи, была тучною. Въ позднѣйшее время также можно отмѣтить рядъ подобныхъ примѣровъ. Пріятною полнотою отличалась красавица-креолка, Жозефина Богарнѣ, супруга императора Наполеона. Марія-Антуанетта, несчастная жена Людовика XVI, была величественная, какъ по росту, такъ и по размѣрамъ фигуры. Королева испанская Изабелла, прославившаяся своими любовными приключеніями въ прошломъ вѣкѣ, была очень полна. Многія изъ пѣвицъ и артистокъ, пользовавшихся всемирною извѣстностью, не утратили своей репутаціи красавицъ, хотя обладали очень полною фигурою.

На льдинѣ.

Извѣстный полярный изслѣдователь—американецъ Балдвѣнъ рѣшилъ занять въ Беринговомъ проливѣ какую-нибудь льдину, устроить на ней складъ припасовъ и отправиться такимъ путемъ къ сѣверному полюсу. Сопровождать его будутъ 22 человѣка, причемъ путешествіе, по вычисленіямъ Балдвена, продолжится три съ половиною года. Балдвѣнъ находитъ, что поѣздка на льдинѣ наиболѣе безопаснa, такъ какъ льдины никогда не раскалываются раньше, чѣмъ достигнутъ берега. Въ предпріятіи Балдвена принимаетъ дѣятельное участіе бывшій президентъ Сѣв.-Амер. Соединенныхъ Штатовъ Т. Рузельть.